

А
Константин Михайлович Станюкович

Рождественская ночь

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 12 марта 2003 года <http://publ.lib.ru>

"К.М.Станюкович. Собр.соч.в 10 томах. Том 3": Издательство "Правда"; Москва; 1977

Константин Михайлович Станюкович

Рождественская ночь

Волшебная тропическая ночь, вслед за закатом солнца, почти внезапно опустилась над Батавией {Батавия -- город на северо-западном побережье острова Ява (ныне -- столица Индонезии, Джакарта).} и, благодаря ветерку, дувшему с моря, дышала нежной прохладой, казавшейся таким счастьем после палящего зноя дня. Мириады звезд зажглись на небе, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свет с высоты бархатисто-темного купола и, медленно плывя, казалась задумчивой и томной.

В эту чудную ночь, накануне Рождества Христова, белый катер с клипера "Забияка", стоявшего верст за шесть, за семь на рейде, -- дожидался у одной из пристаней нижней части города господ офицеров, бывших на берегу.

Эта нижняя, "деловая" часть города с конторами, пакгаузами {Пакгауз -- специальный склад для хранения грузов при железнодорожных станциях, портах и т.п.}, лавками, складами и тесно скученными домами, исключительно населенная туземцами -- малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютилась почти у самого моря, кишашего акулами и кайманами, в нездоровой, сырой и болотистой местности. Настоящие хозяева острова Явы, голландцы, жили наверху, на горе, в европейской Батавии, роскошном, чистом городке изящных домов, вилл и гостиниц, тонувшем в густой зелени садов и парков, в которых высились гигантские пальмы. Оттуда с ранней зари деловые люди спускались в малайский квартал и в десять часов утра уже возвращались домой в свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятия, возобновлявшиеся снова за несколько часов до заката и оканчивающиеся часов в десять вечера.

Оживленная и шумная днем жизнь в малайском квартале затихла. Огоньки в маленьких домах потухли, и узкие и грязные, прорезанные смертоносными каналами, улицы нижнего города опустели. Даже не видно было шныряющих у пристаней ночных темнокожих фей-малаек, чтобы смущать матросов всевозможных национальностей, давно не бывших на берегу, и своим более чем откровенным нарядом, и выразительными пантомимами, и острым, неприятным запахом кокосового масла, которым малайки расточительно пользуются, смазывая им и волосы, и руки, и шею. Пусто везде. Изредка лишь мелькнет громадный бумажный фонарь запоздалого разносчика всяких товаров, китайца -- этого еврея почти всего востока, возвращающегося из верхнего города, от варваров, к себе домой на отдых.

Где-то вблизи на рейде, на каком-то судне пробило шесть склянок -- одиннадцать часов. Туземец спит. У пристани и далеко кругом стоит мертвая тишина с однообразным шепотом морского прибоя, который нежно лижет береговой вязкий песок. Только по временам эта торжественная, полная какой-то таинственности, тишина тропической ночи нарушается вдруг шумными всплесками, когда крокодил, после дневного крепкого сна на отмелях под отвесными лучами солнца, забавляется в воде, ловя добычу.

И снова тишина.

Русские матросы с "Забияки", катерные гребцы, в ожидании господ, находились все на катере. Лунный свет падал на их белые рубахи и захватывал некоторые лица. Несколько человек, растянувшись под банками, сладко спали. Один чернявый молодой матросик задумчиво и как-то вопросительно поглядывал то на мерцающие звезды, то на сверкающую серебром полосу моря и видимо думал какую-то думу, судя по его напряженно-строгому лицу. По временам, когда раздавались всплески, он вздрагивал и пугливо озирался на товарищей. А человек шесть или семь собрались около кормы и, рассевшись по бортам на сиденьях, вели беседу как-то особенно тихо, почти шепотом, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи и точно несколько пугаясь ее жуткой таинственности. Дымок нескольких курящихся трубочек с острым запахом махорки приятно щекотал обоняние беседующих гребцов.